

Грани гранта

Беседу вел Василий ЯНЧИЛИН

Человек коммуницирующий

Мир спасет диалог личностей

Дмитрий ДАВЫДОВ, старший научный сотрудник, кандидат политических наук из Института философии и права УрО РАН

► Наука и техника в наше время развиваются стремительно. То, что еще пару десятков лет казалось неосуществимой фантастикой, сегодня становится обыденностью. Но совершенствуется не только «бездушное железо». Люди тоже изменяются. Философы в последнее время ломают копья в ментальных баталиях, споря о том, каким будет человек будущего. А может, на смену ему придет другое, неведомое, существо? Старший научный сотрудник, кандидат политических наук Дмитрий ДАВЫДОВ из Института философии и права УрО РАН выбрал непростую и неоднозначную тему: «Гуманизм перед вызовами технологий изменения природы человека: поиск новых ценностных оснований». Его актуальные исследования поддержаны грантом Президента РФ. «Поиск» тоже не остался в стороне и задал молодому ученому вопросы о том, что он думает о моральном, духовном и интеллектуальном облике челове-

ка будущего и связанных со всем этим проблемах.

- Дмитрий, что вы подразумеваете под «технологиями изменения природы человека»?

- Все те технологии, которые могут так изменить физиологию человека и человеческие социальные отношения, что уже трудно будет говорить о человеке как о представителе вида Homo sapiens. Сюда можно отнести технологии генной инженерии, нейрокомпьютерные интерфейсы (системы обмена информацией между мозгом и компьютером), замену биологических органов или частей тела механизированными устройствами, идею «выгрузки» сознания на цифровой носитель и многое другое.

Какие-то технологии уже есть, например, CRISPR/Cas9 (технология редактирования геномов высших организмов, базирующаяся на иммунной системе бактерий), позволяющая «встраивать» нужный ген в ДНК. Человек все активнее делает

ставку на искусственный интеллект. Появление «очень умного» ИИ или роботов, превосходящих человека почти во всем, давно стало «пугалкой» и основой для остросюжетных фантастических книг и фильмов. Но фантастика постепенно становится буднями. Многие философы и футурологи пророчат человеку роль родителя более совершенного «вида». Мы якобы рано или поздно должны будем освободить место, уйти со сцены, добровольно или вынужденно вымереть или переселиться в резервации. Человек в таком случае как бы «откажется» от своей природы, разочаровавшись в ее несовершенстве, и предпочтет отдать инициативу киборгам, роботам или чему-то вроде компьютера со сверхинтеллектом. В других сценариях разница между человеком и техносредой постепенно сотрется. Люди объединят свои сознания в некое сверхсознание. В общем, перспектив нашего дальнейшего развития множество.

- Ваше исследование нацелено на изучение рисков, связанных с такими перспективами?

- Да, трудно найти предметную область философской мысли, где спектр обсуждаемых потенциальных проблем был бы столь широк. Здесь большое количество био-

этических вопросов. Например, этично ли за ребенка решать, какими генами он будет обладать? Сможет ли он смириться с мыслью, что его черты не воля случая, а каприз родителей или дань моде? Какие-то вопросы задаются уже сравнительно давно. Являются ли, например, евгеникой пренатальный скрининг и последующий отказ родителей от эмбрионов с генетическими «нарушениями» вроде трисомии по хромосоме 21

Но самые волнующие вопросы связаны с рисками возникновения недружелюбных сверхлюдей (точнее, транс- или постлюдей), киборгов, роботов или сверхмощного ИИ. В качестве примера часто приводят мысленный эксперимент с ИИ-джинном, которого просят максимизировать производство булавок, но он в результате превращает всю планету в большую булавоочную фабрику.

Еще один образ: сверхлюдиполубожества, которые будут смотреть на Homo sapiens, как на муравьев. Как я уже говорил, для людского вида перспектива исчезновения вполне реальна. У меня на столе лежит недавно вышедшая на русском языке книга знаменитого ученого и изобретателя Джеймса Лавлока «Новацен: грядущая эпоха сверхразума». В ней Лавлок так и говорит, что в будущем люди должны уступить место киборгам, которые займутся познанием Вселенной. Он, как мне кажется, наивно верит в то, что киборги не станут убивать людей, а сам процесс «вымирания» займет долгие годы. С подобными идеями не все согласятся.

- Как предлагаете отвечать на технологии изменения природы человека? Гуманизмом?

- Я начинал свое исследование с попыток оправдать гуманизм, встав на сторону человека. Хотел поспорить со сторонниками философии трансгуманизма, которые сегодня считаются главными идеологами активного развития технологии изменения природы человека.

Но во время проведения исследований сделал вывод, что гуманизм обречен. Поясню. Гуманизм - это не только человеколюбие, но также берущая начало в Ренессан-

«Многие философы и футурологи пророчат человеку роль родителя более совершенного «вида».

(синдром Дауна)? Напомню, что евгеника - это учение о путях улучшения наследственных свойств человека.

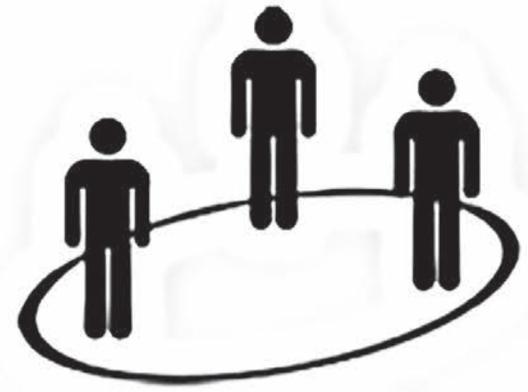
Другой пул вопросов связан с социальными последствиями так называемого совершенствования человека. Будут ли технологии такого совершенствования доступны всем? Не появится ли, скажем, в результате борьбы за улучшение когнитивных способностей, лучшее здоровье и долголетие правящий класс сверхлюдей?

Индивидуализм

Персонализм

Коллективизм

се и Просвещении философская парадигма, ставящая в центр рассмотрения человека как посюстороннее, то есть «земное», существо. Гуманизм полагает, что человек есть самодостаточная сущность: вот он стоит передо мной, ему не нужен Бог, он субъектен, рационален, а общество ему необходимо, чтобы реализовать свой индивидуальный потенциал («следуй за своей мечтой»). Короче говоря, человеческий индивидуум есть центр вселенной.

Но почему человек гуманизма обречен? Потому что он сам себя убьет. Человек гуманизма - активное, деятельное существо. Если он предоставлен самому себе, то рано или поздно в конкурентной борьбе с другими людьми перестанет быть человеком, так как захочет «улучшить» в себе слишком многое или воспользоваться сверхвозможностями ИИ, выпустив джинна из бутылки.

С этим могут поспорить марксисты, считающие, что общественный контроль над технологиями возможен и необходим, а потому нужен лишь правильный гуманизм. Но марксизм не фиксирует никаких «стоп-линий», за которые людям запрещено переходить в своей дальнейшей эволюции.

Поэтому я принял решение свернуть с намеченного пути. Гуманизм обречен, и постантропоцентрическая эпоха неизбежна. Но какой она будет? Существуют две основные постантропоцентрические позиции. О позиции трансгуманистов я уже сказал: в основном это технооптимисты, выступающие за то, чтобы дать человеку все возможные инструменты «модернизации» тела и сознания.

С ними дискутируют сторонники философского постгуманизма. Для них лучшее будущее - в дружном сосуществовании любых форм жизни. Они не исключают саму идею бесконечных вмешательств в природу человека со всеми вытекающими рисками и последствиями. Но им свойственна вера в то, что будущее сверхлюди, киборги, роботы или ИИ примут современную западную парадигму толерантности, «терпимости» ко всем «другим», в том числе к ныне живущему «устаревающему» человеку. Достаточно наивная вера, хоть и интересная с философской точки зрения.

Короче говоря, все дороги ведут к гипотетическому моменту появления опасного существа или даже чуждого человеческому «родителю» вида. Можно, разумеется, занять твердую биоконсервативную позицию (социальная, политическая и моральная позиция, которая

призывает к регулированию и отказу от биотехнологий), но это мало кого убедит, ведь полностью остановить технологическое развитие невозможно и даже нежелательно. Надо понимать, что технологии действительно могут избавить человечество от огромного набора болезней и сильно улучшить качество жизни.

Ситуация оказалась сложнейшей: или радикальный консерватизм и отсутствие прогресса, или риски, которые угрожают человечеству как виду. Когда я параллельно изучал философию персонализма, то понял, что возможен третий путь к постантропоцентрической эпохе. Возможно, стоит сместить человека с центра вселенной, поставив на пьедестал личность. Тогда, вероятно, все встанет на свои места. Именно в переосмыслении персонализма и попытке применить такую философскую позицию к осмыслению будущего челове-

посюсторонних существ. Я не могу сейчас детально расписать весь проделанный в ходе исследования долгий путь реинтерпретации персонализма. Хочу только отметить, как персонализм меняет наше видение технологий изменения природы человека. Отмечу два главных пункта.

Во-первых, персонализм подразумевает особую философскую «чувствительность к смерти». Философы-персоналисты восставали против смерти. Но не только против смерти в физическом смысле. Для них самое страшное - это быть выключенными из общего дела, из диалога. Человек желает оставить после себя какой-то след, частичку себя в вечности. Поэтому персоналисты подчеркивали важность творчества: это способ стать бессмертным, ведь в творческом диалоге ты становишься всеми, и все становятся тобой. Я думаю, это очень важный момент.

Во-вторых, персонализм не отрицает технологии изменения природы человека. Однако, как я уже сказал, философы-персоналисты ставят в центр личность как существо, выходящее за свои пределы, ведущее диалог с другими в вечности. А вдруг главная проблема в обществе, в котором мы живем? Насколько люди близки друг к другу? Способны ли они по-настоящему любить друг друга и все человечество? Это вопрос прозрачности и искренности диалога.

Если этой искренности и любви по отношению ко всем без исключения нет, то мы не можем исключить того, что хаотичные эксперименты над природой человека или с искусственным интеллектом рано или поздно приведут к катастрофе. Персонализм совсем по-другому на все это смотрит: в едином обществе, где есть искренний диалог всех со всеми, нет проблемы в постепенных генетических или техно-

с человеческой телесностью грозят обернуться по-настоящему ужасными последствиями.

Не думаю, что персоналистский взгляд даст ответы на все вопросы. Но, возможно, позволит под другим углом взглянуть на саму перспективу будущего постантропоцентрического общества.

- Расскажите, как выглядит процесс ваших исследований?

- В основном это постоянная работа с текстами различных философов. Если говорить о персонализме, то большая работа заключается в реконструкции и переосмыслении, как бы «омоложении» этого философского направления. Приходится работать с текстами классиков, переводить их с оригинальных языков (сильные школы персонализма были во Франции и США). Как я уже сказал, это почти забытая философия. Пришло время вдохнуть в нее новую жизнь. Разумеется, здесь не обходится без работы с конкретными фактами: каждый день приходят новости о тех или иных научных прорывах, экспериментах, новых наблюдениях. Работа философа - делать то, что не могут естественные науки: отвечать на вопрос, что есть благо.

- Ваша работа может иметь какие-то практические выходы?

- В ней имеет место пересечение фундаментального и прикладного. Я бы сказал, что нет в философии более прикладной и актуальной темы, чем осмысление технологического изменения природы человека.

Идеи, о которых я рассказывал, уже изложены в ряде моих статей. Если говорить о будущем, то объем работы колоссальный. Можно сказать, что я лишь «застолбил» саму мысль, но фундаментально обосновать ее еще предстоит.

Например, посмотрим на современную политику идентичности на Западе. Казалось бы, эта тема никак не связана с дискуссиями о транс- или постгуманизме. Но это только на первый взгляд. Разве не «постгуманистична» идея существования 70 гендеров, о которой сегодня говорят? Если возвращаться к персонализму, то можно задать вопрос: к чему мы идем? К состоянию искренности, единства и диалога? Или к максимально раздробленному обществу, в котором одни борцы за права и свободы борются с другими за лучшее место в иерархии жертв? Может ли быть единым обществом, в котором транс-женщины (биологические мужчины) приходят в женский спорт и уничтожают его ради гражданских прав и привилегий определенных групп? Непочатый край дискуссионных вопросов. ■

Персонализм провозглашает главной ценностью и приоритетом личность. При этом личность для персоналистов не просто отдельный индивид. Это человек, глубоко погруженный в диалог с другими личностями.

ства как вида и заключалась, наверное, моя главная идея.

- Что вы имеете в виду?

- Начну с того, что персонализм - это подзабытое направление философских поисков. Происходит от некоторых ветвей христианского богословия. Но сами философы-персоналисты утверждали, что христианское и вообще теистическое начало не должно быть единственным. Возможен атеистический или нетеистический персонализм. Если кратко, то персонализм противопоставит как коллективизму, так и индивидуализму. Он провозглашает главной ценностью и приоритетом личность. При этом личность для персоналистов - это не просто отдельный индивид или его социальные качества. Это человек, глубоко погруженный в диалог с другими личностями. Личность находится между телом и общественным организмом.

То есть мы смещаем фокус с человека как сущности «в себе» к личности, которую можно попытаться понять, только развязав клубок бесчисленных социальных отношений. Христианские философы писали о диалоге с Богом, но возможен и диалог личностей как

Если бы классики персонализма (для меня важнейшие из них - Эманюэль Мунье и Николай Бердяев) жили сегодня, они пришли бы в ужас от идеи, что человек может породить существо, с которым невозможен диалог, и от того факта, что некоторые философы с энтузиазмом смотрят на перспективу появления постлюдей или нелюдей, отправляющих людей в утиль. Это разрыв диалога и смерть для живущих ныне.

Сравним это, например, с идеей космиста Николая Федорова (которого чтит и уважал персоналист Бердяев) о всеобщем воскрешении предков. Федоров мечтает о том, что когда-то умерших людей с помощью неведомой научной силы можно будет вернуть к жизни. Для него каждая смерть - это безумная утрата и драма. Но не менее драматична смерть как историческое забвение. Иными словами, философия персонализма утверждает борьбу за вечность, преемственность, диалог со всеми в вечности. Если говорить о нашей проблематике, то ни в коем случае нельзя создавать существо, которое мы не сможем понять, которое не сможет оплакивать предков.

логических метаморфозах человеческих тел.

Для персонализма, на мой взгляд, нет никакого строгого набора биологических характеристик, фиксирующих личность. Если есть некто, кто способен любить ныне и ранее живущих, кто сопричастен к общему проекту, устремленному в далекое будущее, кому можно сострадать, кому можно сопереживать, то нет разницы, киборг это или сильно генетически измененный постчеловек.

Но если мы имеем дело с тем, кто проявляет странное поведение, кто стремится отделиться от социального целого, кого мы банально не понимаем, то реакция со стороны общества должна быть соответствующей: от активных попыток наладить с ним диалог до изоляции потенциально опасного субъекта. Персонализм утверждает первичность социального. При этом он даже в своей нетеистической версии, которую я пытаюсь развить и актуализировать, наследует от христианства полурелигиозное или полумистическое чувство необходимости всеобщего единства, то есть веру в собранное общество, вне которого любые эксперименты